

Доклад

председателя РВС 11-й отдельной армии К.А.Механошина о положении армии в апреле 1919 г.

(Публикация и примечания А.В.Ганина)

Константин Александрович Механошин (30.10.1889–07.05.1938) был крупным военно-политическим деятелем эпохи Гражданской войны, членом Реввоенсовета Республики. Анализ документов свидетельствует, что Механошин был одним из информаторов большевистского лидера В. И. Ленина о положении в РККА. Возможно, публикуемый доклад также предназначался Ленину, однако это лишь предположение.

Доклад был обнаружен в личном фонде Механошина в Российском государственном военном архиве. По всей видимости, это черновик. Адресат и точная дата составления доклада неизвестны. Судя по тексту, документ был составлен не ранее конца мая 1919 г., а, возможно, в начале июня в связи с ликвидацией 11-й армии и отъездом К. А. Механошина из Астрахани.

Документ дополняет картину событий вокруг 11-й отдельной армии, изложенную в нашем очерке «Измена командарма Жданова», опубликованном выше в настоящем томе «Кавказского сборника».

К середине апреля в XI отдельной армии почти все подготовительные работы для начала операций, как морских, так и сухопутных, были закончены. Кроме флота и 33 стрелковой дивизии (9 полков пехоты, полное по штатам количество артиллерии и всех вспомогательных частей, с некоторым некомплектом людей и лошадей, что предполагалось пополнить при продвижении на Кавказ) и бригады (2-х полкового состава) кавалерии, спешно заканчивались формированием кадры 34 стрелковой дивизии и 2-й бригады 7-й кавдивизии, равно как части эти укомплектовались оставшимся от сформированных частей материальным имуществом. Отклонение представленного нами плана, определяющего главным операционным направлением, действующих против кавказских войск Деникина, направления вдоль Тихорецкой железной дороги поставило Кас[пийско]-Кав[казский] фронт, а затем XI армию перед необходимостью взять за исходное для боевых действий положение район Черного Рынка в направлении на Кизляр.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

Сосредоточение войск в этом районе представлялось чрезвычайно затруднительным, так как движение войск походным порядком по побережью, в силу географических условий местности (безводная пустыня, сыпучие пески, население, вынесшее на себе отход многотысячной армии, оставившей после себя тысячи трупов людей и лошадей, разрушившей хозяйство этого района и заразившей его эпидемией сыпного тифа) возможно было лишь после основательной подготовки военной дороги: организации этапов с питательными пунктами, создания большого транспорта, как гужевого, автомобильного, так и морского, вдоль самого побережья. К указанному сроку (полевое строительство) отдельный руководитель работ с партиями рабочих продвигался к югу от Лагана в направлении на Серебряковскую пристань, Черный Рынок и Величапое, впереди велась усиленная конная разведка, имевшая соприкосновение с неприятельскими передовыми отрядами. Одновременно организовывался водный транспорт, приспособлялись мелкосидящие пароходы и баржи.

Точное выяснение показало, что с чрезвычайными трудностями и большими препятствиями в чисто военном отношении (медленное сосредоточение войск в исходном положении ставит наши силы в невыгодные тактические условия), все же при благоприятной обстановке (обеспечение морского сообщения, пассивность противника в первое время сосредоточения, выполнение центром нарядов на хлеб и фураж) переброска войск этим путем возможна. Но, разумеется, о сравнении этого операционного направления с Тихорецким не могло быть и речи — там возможность пользоваться железной дорогой, ведение по населенной местности с запасами продовольствия на местах, одновременное сосредоточение войск и так далее. Здесь попутно необходимо указать, что в тот момент, когда противник уже начал сосредотачивать значительные силы на фронте X армии, командарм XI Жданов телеграммой № 195/секр. от 11/4 [19] 19 г. предлагал использовать часть войск XI армии для подкрепления десятой, не возбуждая принципиального вопроса об объединении командования, между тем, вопреки совершенной очевидности, главнокомандующий отклоняет этот план, а через девять дней дает приказ об отправке 33 дивизии полностью на Вост[очный] фронт, что практически, несмотря на исключительную быстроту отправки дивизии — всего десять дней — приводит к разрушению дивизии как высшего войскового соединения, так как один полк (291-й) попадает в X армию, одна бригада (3-я) остается на Вост[очном] фронте, а две бригады посылаются на Юж[ный] фронт, где вступают в боевые действия лишь в первых числах июня, т. е. через месяц после отправки, проболтавшись на колесах в пути в самый горячий период борьбы. Рассматривать иначе, как прямую измену тот факт, что дивизия перебрасывается не на ближайший важный участок, а на дальнейшее расстояние, конечно, нельзя. И тут уместно задать вопрос, что же «контролировали» политкомы Полевого штаба. Где и в чем выражался их фактический контроль?

Параллельно с подготовкой военных операций Реввоенсоветом ведется усиленная работа по установлению связи с зафронтовым районом (Петровска и Баку). К этому времени 14/4 возвращается один из командированных нами товарищ из Петровска и Темир-Хан-Шуры и прибывает группа товарищей из Баку с письмом от Бакинской организации Р. К. П. Привезенный товарищами материал подвергается тщательной проверке. Вырисовывается следующая картина политического и военного положения на Кавказе, вполне подтверждавшаяся впослед-

ствии (сообщения Коломийцева, доклад Орджоникидзе¹ и других товарищей) — противник не располагает значительными силами ни в Баку, ни в Петровске, в Баку организация нашей партии является единственной, объединяющей главную массу рабочих (это подтверждает факт продолжительной забастовки). На Мугани настроение крестьянских масс всецело на стороне Советской власти, это выражалось даже в фактической поддержке нашей бакинской организации, а также противодействие англичанам в деле продовольствия. В Темир-Хан-Шуре наряду с фактически существовавшим горским правительством организуется Красная армия, начиная боевые действия против Деникина и англичан, с руководителями ее тов. Каркмасова через тов. Оскара Лещинского устанавливается связь; район Грозного фактически переходит из рук в руки от деникинцев к горцам и обратно. Приведенные факты позволяют рассчитывать на активную поддержку нам со стороны рабочих и туземного населения Кавказа. Важно было лишь сразу по вступлении на Кавказ иметь крепкую военную организацию, опытных военных специалистов и ответственных политических работников. Установленная же чисто военная связь с Петровском давала возможность организовать взрыв изнутри (забастовка фактически была проведена).

Такова общая обстановка к 15-20 апреля.

20/4 флот в главной своей части вышел из Астрахани; одновременно в Оранжерейное был отправлен десантный отряд в 400 человек с командами пулеметной, инженерной, разведчиков и так далее, предназначенных для операции на Петровск.

Движение конницы на побережье приводит нас к овладению Черным Рынком, Бирюзьяком и Серебряковской пристанью. Мы получаем возможность, комбинируя водный и сухопутный транспорт, совершать переброску войск вдоль побережий и сосредоточить их в районе Черного Рынка для движения на Кизляр. В эту операцию втягивается, кроме конных частей, пехота и артиллерия. Таким образом, начинают развертываться крупные военные операции сухопутных сил совместно с флотом.

Вынужденные отказаться от переброски войск через Царицын, мы предпринимали все усилия, дабы развить операцию по побережью Каспия. Уже в половине апреля командование XI армией обращает внимание на необеспеченность наших флангов и тыла. Левый фланг X армии подвергается постоянному давлению со стороны противника, дезорганизовавшего весь ее фронт обходными движениями с этого фланга. В это же время (а ранее было отказано в отведении армии тылового района) изымается² из нашего ведения Астраханская губерния, военком которой подчиняется Уральскому окр[ужному] военкому. С армией предельно недопустимые эксперименты, граничащие или с тупым канцелярским бюрократизмом или с прямой изменой. К двадцатым числам апреля противник занимает Сломыхинскую и разъезды его начинают появляться в районе Александров-Гая и железной дороги Урбах—Астрахань. Создается обстановка чрезвычайно серьезная. Однако, несмотря на это, также как и раньше за все четыре месяца ни Главное командование, [и] Реввоенсовет Республики не проявляют никакого интереса к этому фронту, имеющему, казалось бы, исключительно важное значение, поскольку главной задачей являлось во что бы то ни стало добыть нефть. Нужда в жидком топливе становится все более и более острой, это побуждает нас еще более к еще более энергичной

работе. Полученное, с припиской главкома: «Выполнить в кратчайший срок при содействии флота», постановление совета обороны о захвате гурьевской нефти подтверждает уже начатые подготовительные работы.

Считаю необходимым отметить, что до мая пополнения не прибывало, не прибыло даже ни одной маршевой роты. В отношении снабжения, обмундирования и вооружения приходилось ограничиваться местными средствами. Таким образом, выполнить поставленные нам задачи предстояло лишь с теми силами, которые были созданы из остатков XI и XII армий, из красноармейцев, перенесших тиф и истощенных от голода и похода через 400-х³ верстную пустыню с Сев. Кавказа до Астрахани.

Приказу об отправке 33 дивизии на Восточный фронт предшествовала следующая переписка между штабом XI и Полевым штабом республики.

3/4 телеграмма № 423/оп. (№ 3) наштарм⁵ XI просит дать ответ на телеграмму № 62/оп от 27/3, в которой прилагался план наступления на Северный Кавказ через Великокняжескую, Торговую, Славнополь и Тихорецкую, для чего предлагалось часть войск XI армии влить в X армию и, усилив ее, более энергично повести наступление на юг. В это время XI армия не имела оперативной директивы, главным заданием являлась подготовка войск к боевым действиям, между тем время проходило и уже пора была начать подготовку к самой боевой операции, т. е. готовить пути и средства сообщения, детализировать план наступления, организовать транспорт и снабжение. Особенно важно было немедленно же иметь ответ главкома потому, что в зависимости от направления, именно — будет ли нам дано Тихорецкое направление, стоял вопрос о подготовке водного (морского) транспорта, используя речные водоплавные средства, каковые для этой цели пришлось бы взять целиком, т. е. разрушить транспорт на Нижнем плесе Волги. Не получая ответа из Полевого штаба Р.В.С.[Р.], не мог приступить к оборудованию судов для переброски войск морем, так как в случае принятия нашего плана, совершенно бесполезно был бы нанесен колоссальный вред Волжскому транспорту, предназначенному для вывоза рыбных запасов и нефтяных остатков. В то же время медлить с подготовкой операции уже не представлялось возможным, каждый день был на счету. Молчание Полевого штаба при этих условиях являлось недопустимым.

6/4 штаб XI еще раз № 179 запрашивает Полевой штаб.

Наконец, 8/4 получается две телеграммы за подписями Костяева⁶ и комиссара Голенко.

Первая из них № 1558 от 8/4 в п. 2 говорит, что «Оперативные задачи XI[-й] армии будут даны через некоторое время, в настоящее же время необходимо подготовить десантную операцию (куда) и движение по дорогам к Св. Кресту, хотя бы небольшими силами».

Вторая № 1570 также от 8/4 содержит следующий ответ на предыдущие запросы Реввоенсовета XI, именно: предлагается «безотлагательно приступить к оборудованию своих путей, указанных Вашей телеграммой № 62/оп в пункте втором намеченного плана с расчетом на число войск, согласно того же пункта второго, одновременно подготовляя и транспорты». План же командарм[а] XII[-й], предложенный телеграммой № 62 от 27/III был таков:

«1. Перенести разграничительную линию для войск, действующих против Северного Кавказа, на запад до нижнего течения реки Дона, 2) сформировать из войск XII[-й] армии первую

восточную группу войск (из двух бригад конницы, двух бригад пехоты с артиллерией) для операции на Св. Крест, Кизляр и Петровск. 3) Остальные войска XI[-й] армии влить в X[-ю] армию и образовать вторую — западную группу войск, имеющую задачей занятие Северного Кавказа и дальнейшую операцию на юг по побережью Каспийского моря. 4) Объединить командование для более энергичного и согласованного действия, обоими группами и флотом в одних руках».

Таким образом, второй телеграммой Полевой штаб утверждает часть нашего плана, изложенного в § 2, т.е. операцию на Св. Крест, Кизляр и Петровск с помощью указанных нами сил (2-й бригады кавалерии и 2-й бригады пехоты с артиллерией), между тем первая телеграмма от того же восьмого апреля указывает лишь на операцию на Св. Крест. Обе они подписаны начальником штаба Костяевым с комиссаром Голенко. Обе телеграммы, однако, не касались остальных пунктов, выдвинутых в предложении командарма XI (телеграмма № 62/секр.). Поэтому командарм XI[-й] и комфлот Сакс 11 апреля № 195/секр доносит главкому, что «флот может при благоприятных условиях только в течение 22 дней перевезти один полк», а так как движение на Кизляр по побережью крупными силами допустимо лишь при отказе дать армии более удобное направление (на Тихорецкую), ответа же по этому вопросу не получено, начинать же движение малыми силами без наличия быстрого продвижения на юг X[-й] армии, не представляется возможным. Докладывая об этом, командарм XI[-й] вновь предлагает части 33[-й] дивизии через неделю, т.е. 18—19 апреля в количестве восьми тысяч штыков, двести сабель, 400 пулеметов, 2-х батарей и 700 повозок, послать на усиление X армии, оставшиеся же силы направить по побережью.

Столь настойчивые требования вести операцию на Сев[ерный] Кавказ в двух направлениях — вдоль побережья Каспия совместно с флотом и на Тихорецкую — вызывались ясным сознанием, что не только одни морские операции (как бы флот ни был силен, — как говорил Альфатер⁷) и соединенные с флотом операции на побережье не могут считаться вполне обеспечивающими [выполнение] поставленных армии задач — овладение Петровском, Баку, Грозным (впоследствии так и случилось 1) Юж[ный] фронт, который по заявлению главкома должен был вести операции на Сев[ерный] Кавказ, а XI[-я] армия д[олжна] б[ыла] лишь оперировать в восточной части Сев[ерного] Кавказа, не взяв даже Ростова, отчасти потому, что X[-я] армия, вовремя не подкрепленная, не смогла взять Тихорецкую и зайти в тыл к Ростову, 2) Одни морские операции не привели к овладению даже Петровском, а 3) успешно развивавшиеся операции по побережью, не поддержанные со стороны X[-й] армии, не могли иметь серьезного военного значения).

Одновременно с этой телеграммой мною на имя главкома, в копиях т.т. Троцкому и Ленину посылается телеграмма № 114/секр., в которой я прошу дать полный и подробный ответ на предыдущие запросы.

На этот раз ответ дается незамедлительно — вопрос о переброске войск в X[-ю] армию и объединение командования XI[-й] и X[-й] армий не могут быть сейчас разрешены положительно, ибо они не соответствуют общей обстановке на юге и Вост[очном] фронте и будут решены впоследствии, когда XI[-я] армия будет сформирована.

Эта телеграмма давала определенный ответ, план главкома по овладению Кавказом сводился к следующему: 1) Главные операции против Кавказа разовьются после ликвидации Ростова и Новочеркасска, 2) Главное наступление будет вестись армиями Юж[ного] фронта, 3) На XI армию выпадает второстепенная задача — содействия флоту и небольшой задачи на побережье.

Из этого плана вытекала и задача X армии, которая впредь до взятия Ростова и Новочеркасска должна была двигаться в юго-западном направлении, обессиливая направление на Тихорецкую.

По плану же Реввоенсовета XI армии, пополнения войсками этой армии, X-ая армия должна была также энергично наступать и на Тихорецкую, с тем, чтобы с одной стороны прервать сообщения Деникина с Сев. Кавказом, а с другой — движением на Ставрополь начать наступление на Кавказ.

16/4 главком телеграммой № 907/м приказывает командарму XI спешно довести 33 дивизию до полной боевой готовности, т. к. дивизия не позднее 25/4 подлежит переброске на один из фронтов — на Южный или Восточный.

19/4 Напштареввоенсовета⁸ Ф. Костяев телеграммой № 1784 сообщает с резолюцией главкома «Выполнить в кратчайший срок при содействии флота», постановление совета обороны от 16/4 № 29 о том, чтобы в кратчайший срок произвести операцию для захвата гурьевской нефти.

Телеграмма эта весьма характерна по своей несерьезности и наглости — «Главком приказал выполнить в кратчайший срок», как будто операция на Гурьев не производилась только потому, что «главком не приказал», к тому же ведь главком «приказал» еще осенью 1918 года. Но от главкома требуется не одно «приказал». Главком должен знать, что операция могла не производиться в силу одной из следующих причин: 1. Вследствие недостаточности сил (а в таком случае одновременно с резолюцией должны быть предоставлены какие-либо силы), 2) вследствие несвоевременности (по этой не было), 3) потребные для операции войска могли быть заняты какой-либо другой операцией (тогда следовало дать соответствующий приказ об изменении плана). В действительности же операция на Гурьев задерживалась из-за морских операций, т.к. пехота находилась не в Гурьеве, а восточнее этого пункта на мысе Ракушечный.

Получив для исполнения постановление Совета Обороны Реввоенсовет Республики через главком[а] должен был дать армии разработанный приказ, содержащий в себе указание — будет ли эта операция одной лишь XI[-й] армии или же совместно с Юж[ной] группой Вост[очного] фронта. Ставка должна была иметь представление о характере этой операции. Всего указанного не было сделано. Как и везде была та же халатность и поверхностное отношение. Для полноты картины укажу на то, что через месяц, т.е. в последних числах мая, уже после того, как XI[-й] армии нельзя было дать приказ о взятии Гурьева, такой же приказ дается Вост[очному] фронту, Реввоенсовет которого выделяет пять тысяч штыков, 1500 конницы и запрашивает РВС XI[-й] армии, находящийся в Астрахани и имеющий свое Гурьевское направление, запрашивает о том, в какой степени и какое именно содействие этой операции может оказать Каспийская флотилия. Факт весьма показательный — именно: XI[-я] армия вполне под-

готовила операцию на Гурьев, включительно до таких деталей, как приспособление мелкокалиберных пушек для восстановления трубопровода и для перекачивания нефти и сформирования специального, из местных гурьевских рабочих и ловцов, отряда и т. д., армия имела в своем распоряжении дивизию и уже должна была начать операцию; у этой армии отбирается единственная дивизия и отправляется на другой фронт; дивизия эта в большей своей части в течение целого месяца находится в пути из Астрахани до Миллерова; через месяц, т. е. в конце мая Вост[очный] фронт получает приказ об операции на Гурьев. Объяснить это можно во-первых тем, что главком Вацетис окончательно «потерял голову» и, получая постоянное на-давливание из Совета обороны, давал приказы, которые на первое время, казалось, отвечали требованию Совета обороны, а во-вторых, прямой белогвардейской работы технического аппарата Полевого штаба, составлявшего провокационно запутанные приказы, с определенной целью задерж[ив]авшего ответы и переписку и т. д. Конечно, все это возможно лишь при наличии доведенного до абсурда принципа невмешательства комиссаров в оперативную работу, доходившего до того, что комиссары, не осуществляющие фактического — делового контроля, не видели, как путем неправильных приказов действительно совершалось белогвардейское дело. «Дезорганизуй работу большевиков изнутри, разлагай красную армию, воздерживайся от авантюры, издавай запутанные приказы и т. д.», — так учит инструкция белогвардейцев, работающих в Красной армии, и это выполнялось.

19/4 телеграмма № 917/ш тот же Ф. Костлев сообщает, что 33[-я] дивизия в полном составе и бригада кавалерии (а в телеграмме № 907/ш от 16/4 говорилось лишь о 33[-й] дивизии) должны быть готовы к отправке в район Самары не позднее 25 апреля.

Таким образом, в один и тот же день 19 апреля за подписью одних и тех же лиц, именно начальника Полевого штаба Реввоенсовета Республики Ф. Костяева и за комиссара штаба Голенко, отправлены два приказа, противоречащих один другому: «В кратчайший срок выполнить операцию против Гурьева» и «Подготовить отправку 33[-й] дивизии полностью и бригаду кавалерии на Вост[очный] фронт не позднее 25 апреля».

20/4 телеграммой № 1795/оп главком Вацетис приказывает немедленно направить в 33[-ю] дивизию в полном составе и бригаду кавалерии на Вост[очный] фронт, переброска должна начаться не позже 25 апреля.

Все вышеприведенные четыре телеграммы № 907 с предупреждением об отправке 33[-й] дивизии, № 1784 об операции на Гурьев, № 907 с вторичным предупреждением об отправке 33[-й] дивизии и бригады 7[-й] кавдивизии и 1795 приказ о переброске указанных частей, нами получены в один и тот же день — 20 апреля.

Телеграмма была получена в 22 часа 20/4, а в 24 час. уже был готов приказ по подготовке к переброске дивизии. Положение на соседних фронтах нам было не вполне ясно, но имевшиеся сведения позволяли, однако, предполагать, что угроза на Вост[очном] фронте и особенно в связи с группировкой денкиных войск на фронте X армии, настолько велика, что главком очевидно решил прекратить операции на фронте нашей XI[-й] армии, т. к. за уходом 33[-й] дивизии и бригады кавалерии [в] армии практически не остается годных для военных действий сил. Перед РВС встали следующие вопросы:

1) Отправка 33[-й] дивизии практически приводит армию к невозможности выполнить поставленные ей задачи.

2) Положение соседних фронтов может требовать даже полного отказа от каких-либо операций на Каспийско-Кавказском фронте.

3) Мы не имеем данных для решения вопроса о том, действительно ли создавшееся на Вост[очном] фронте положение требует отправки 33[-й] дивизии в полном составе, если даже это обозначает отказ от операции за нефтью, формально мы не имеем права решать этого вопроса, а потому должны в точности исполнить приказ главкома.

4) При этом, однако, мы должны одновременно поставить в известность Реввоенсовет Республики и Совет обороны, к каким последствиям это приведет и получить от главкома точно определенные задания армии, соответствующие остающимся наличным силам.

РВС XI армии считал обязательным предварительно окончания отправки дивизии выяснение вышеуказанных вопросов, так как крайне важно было, чтобы в случае подтверждения приказ был санкционирован Советом обороны или Реввоенсоветом Республики.

С отправкой дивизии совершенно разрушался наш план действий, вопрос становился в другую плоскость — при создавшемся на соседних фронтах положении развивать наступательные операции с военной точки зрения является чистой авантюрой.

Мы не считали себя вправе поступать так, как это установилось, к сожалению, на других фронтах, когда исполнение приказов главного командования о перебросках частей или совсем не исполнялось или исполнялось с большой неаккуратностью, как в отношении времени, так и в количественном отношении, нам необходим был ясный приказ, переброска 33[-й] дивизии в полном составе означает отказ от операции на Кавказско-Каспийском фронте, следует ли, принимая это во внимание, все же отправить ее полностью.

С этой целью РВС посылает 21/5 телеграмму (№ 14), где также указывается, насколько важную задачу должна выполнить 33 дивизия и задается вопрос — какие части и в каком количестве должны быть оставлены в XI армии и какие задачи ей будут поставлены. Телеграмма адресуется главкому, копия — Совету обороны. В ответ на поставленные Реввоенсоветом вопросы:

1) Сколько полков пехоты и конницы следует оставить в XI[-й] армии,

2) Какие боевые задачи будут поставлены армии,

22 апреля главком отвечает телеграммой № 1644/оп:

1) Боевые задачи остаются прежние.

2) Переброске подлежат «лишь части 33[-й] дивизии, которые предполагались в телеграмме 115/с [к] отправке в X[-ю] армию.

3) Из кавдивизии надлежит выделить лишь одну бригаду, оставив остальные части для выполнения возложенных на вас задач.

4) Далее в телеграмме следует подсчет остающихся сил и указание на то, что «так как Вами начато выполнение одной из боевых задач с движением на Черный Рынок, то принятая Вами группировка сил не должна нарушаться, и, если боевые задачи выполняются частями, которые подлежали бы переброске на Вост[очный] фронт, то они должны быть заменены происходящими у Вас ускоренными формированиями, для чего у вас будет не менее двух недель

времени, так как переброска 33[-й] дивизии и бригады кавалерии начнется 25 апреля и должна закончиться к 10 мая».

Рассматривая телеграмму по пунктам, необходимо сделать следующие выводы:

К § 1. Оставлять боевые задачи прежними при изъятии из армии целой дивизии, к тому же единственной — значит, допустить простой обман, прикрыв его перечислением несуществующих частей, будто бы остающихся в армии. Итак, предстояло «в кратчайший срок взять Гурьев, Петровск, Грозный» и т. д., но... без войск.

К § 2. Перебросить в X[-ю] армию предполагалось две бригады пехоты, только лишь. Конница же, имеющая исключительное значение на пустынно-степном фронте XI[-й] армии, конечно, не могла быть переброшена. Таким образом, эта телеграмма позволяла оставить пущую армии часть 33[-й] дивизии.

Здесь, однако, необходимо указать, что ссылка на предполагавшуюся переброску части 33[-й] дивизии в X[-ю] армию, с военной точки зрения, является совершенно несостоятельной, ибо переброска частей XI[-й] армии в X[-ю] армию рассматривалась как простая перегруппировка — настолько связанными в своих задачах были фронты этих двух соседних армий. Переброска же дивизии на другой фронт, по нашему мнению, являлась допустимой лишь постольку, поскольку положение самой XI[-й] армии становилось зависимым от соседнего фронта — так именно и рассматривал РВС XI[-й] армии, что опасность, идущая с Вост[очного] фронта прямо ставила вопрос о самом существовании XI[-й] армии, т. е. ее тыл захватывался противником и создавалась угроза перерыва коммуникационных линий с центром.

К § 3. Телеграммой от 21/4 РВС XI армии доносил, что 7[-я] кавдивизия в тот момент фактически состояла из одной организованной бригады, остальная же ее часть представляла лишь не сформированных выздоравливающих кавалеристов, частью безлошадных, не вооруженных и т. д. Так что «выделить», как это приказывал главком, было не из чего, отправив же бригаду, армия оставалась без кавалерии, так как «остальных частей», как это пишет главком в своей телеграмме № 1844 от 22 апреля, не оставалось.

По § 4. В своем подсчете остающихся (а отправлением 33[-й] дивизии и бригады 7[-й] кавдивизии, частей, главком подсчитывает номера частей, а не имеющиеся в действительности силы, а именно: «Таким образом, для выполнения боевой работы в XI[-й] армии остаются части 34[-й] дивизии»), как видно из донесения командарма XI[-й] армии] Жданова от [дата пропущена для ее последующего внесения оставлено место] эта дивизия представляла лишь кадры всего около 3-х тысяч выздоравливающих красноармейцев, не обмундированных и не вооруженных, не было также материальной части и командного состава, и одна кавбригада (в действительности) как указано выше не существовала и об этом доносилось 21/4, т. е. накануне).

Подобный расчет, в копии адресованный и в Совет обороны, являющийся лживым, не должен рассматриваться иначе, как преступное действие.

По § 5. Заменить 33[-ю] дивизию, используя 2-х недельный срок для формирования 34-й дивизии, — так говорит главком. Между тем, нач[альник] Всерос[сийского] гл[авного] шт[аба] уведомил (как это видно из того же донесения командарма Жданова от <...>),

что ожидать пополнений для XII[-й] армии в ближайшее время нельзя, а материальной части, обмундирования, вооружения, упряжи и т. д. в армии больше не осталось, не осталось также материалов для приготовления на месте, т. к. все было использовано уже для 33[-й] дивизии. Таким образом, опять главком оперирует с заведомо неверными сведениями (а нач[альник] штаба в разговоре по прямому проводу говорит: «Ускоренно формируйте 34[-ю] дивизию, позаимствовав снабжение из южного фронта 10[-й] армии, если там таковое имеется». Это пишет нач[альник] Полевого штаба Реввоенсовета Республики... использовать снабжение соседнего фронта... можно ли придумать что-либо более нецелое с военной точки зрения).

Рассматривать телеграмму № 1844 иначе, как казначейскую отписку с ложными сведениями, нельзя. Для нас она в то время давала определенный и важный выход, именно — пользуясь тем, что отправке подлежали лишь «части» 33[-й] дивизии мы могли оставить одну бригаду, среди же телеграмм, где говорится не нарушать принятой группировки определенно указывалось, что положение Вост[очного] фронта вовсе не требует ликвидации фронта 11[-й] армии. Этого было вполне достаточно и РВС XII[-й] армии одновременно с отправкой дивизии приступил к развитию военных операций по побережью на Черный Рынок и ожидал лишь ответа комфлота Сакея для начала Гурьевской операции. Оставшаяся бригада 33[-й] дивизии была развернута в 34[-ю] дивизию.

При таких условиях продолжение операций было возможно, тем более, что полученные с Кавказа сведения определенно указывали на быстрый рост революционного движения.

25.IV от тов. Ленина получается телеграмма, в которой выражается недовольство медленностью действий XI армии и предлагается в срочном порядке обсудить, как можно ускорить взятие Петровска и Гурьева для вывоза нефти. Основываясь на телеграмме главкома № 1844, выше разобранной, тов. Ленину дается ответ, что операция на Петровск уже начата и идет усиленно, операция же на Гурьев подготовлена, но задерживается медленностью действий флота.

Совершенно неожиданно 27 апреля получается новое распоряжение главкома (тел[еграмм]а № 1938/оп) — «Немедленно отправить 33[-ю] дивизию в полном составе и бригаду 7[-й] кавдивизии на Вост[очный] фронт».

Этот приказ уже окончательно расстраивал весь план операций и находился в прямом противоречии с телеграммой от 23 апреля, а также и телеграм[мой] тов. Ленина.

Получив это распоряжение, командарм XII[-й] армии] Жданов по прямому проводу докладывает главкому:

- 1) Отправка дивизии начата 25 апреля (как и было приказано), идет бесперерывно.
- 2) Просит оставить в армии 1[-ю] бригаду 33[-й] дивизии, как специально подготовленную для операций на Кавказе.
- 3) Сообщает, что по отправке 33[-й] дивизии в армии не остается войск, так как рассчитывать на формирование 34[-й] дивизии нельзя.
- 4) Между тем, выполнение возложенных на армию задач не терпит отлагательства, так как политическое положение Кавказа и наличие незначительных сил противника создает благоприятную для нас обстановку, чтобы овладеть всем краем и создать из его местного населения мощную армию, а захват Гурьева даст нам возможность не только овладеть нефтяными про-

мыслями, но и оказать непосредственную помощь Восточному фронту, действуя во фланг и тыл наступающему к Волге противнику.

И вот [на] важнейшие не только для XI[-й] армии вопросы получается следующий лаконичный ответ через уполномоченного главкома Генштаба [В.К.]Токаревского: «Все перечисленные Вами задачи XI[-я] армия должна разрешить постепенно, по мере заканчивания формирования 34[-й] дивизии». Подпись Вацетис, подписи комиссара нет.

2/V мною дается телеграмма № 5495, адресованная предреввоенсовета Троцкому, копия т. Ленину. В этой телеграмме я подробно указываю на все противоречивые распоряжения главкома и обрисовываю сложившееся положение, что, отправив 33[-ю] дивизию, мы должны отказаться от наступательных операций и на Кавказ и на Гурьев.

Создалось положение необычайно тяжелое и сложное: с одной стороны ясно чувствовалось прямое предательство Полевого штаба, а с другой — все способы и средства, как-либо выехать перед Советом обороны подлинное значение приказов главкома.

Однако прямого ответа на эту телеграмму не последовало.

Получена же была лишь телеграмма главкома № 2080 с разрешением временно оставить один полк.

Мера совершенно излупиния, т. к. с одним полком, конечно, сделать ничего нельзя. В конце телеграммы указывается, что боевые задачи остаются прежними (а вышеприведенная резолюция главкома говорила: поставленные армии задачи выполнять лишь по мере формирования 34[-й] дивизии). Опять новое противоречие с предыдущими распоряжениями.

Наконец в разговоре по прямому проводу нач[альник] штаба Костяев говорит командирам так: «Мы сами заинтересованы в Кавказе, но хотя временно, думаю, ненадолго придется отказаться от этого».

Сопоставляя эту фразу с резолюцией главкома, следует прийти к выводу, что Полевой штаб великолепно понимал, что вместе с переброской 33[-й] дивизии на Вост[очный] фронт приходится отказаться от операций на Кавказ.

Всекие же манипуляции с неверными сведениями, которые проделывались главкомом в различных телеграммах, были лишь стремлением скрыть от Совета обороны действительное положение на фронте, которому нельзя не придавать весьма важного значения.

Это явилось результатом полнейшей несогласованности планов Совета обороны и Реввоенсовета Республики, полнейшей негодностью комиссаров Полевого штаба, не видевших пагубнейшую белогвардейскую работу.

РГВА. Ф. 37618. Оп. 1. Д. 33. Л. 2об.—6об.

Незаверенная машинописная копия.

¹ В документе ошибочно — Орженикидзе.

² Так в документе.

³ Так в документе.

⁴ Штаб армии.

⁵ Начальник штаба армий.

⁶ Начальник Полевого штаба Реввоенсовета Республики.

⁷ В документе ошибочно — Альфатор.

⁸ Начальник Полевого штаба РВСР.